
В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

ИСЧЕЗНУВШЕЕ ИСКУССТВО

(Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси)

Среди разнообразных видов изобразительного искусства, известных у обских угров, есть один, о котором не упоминает никто из исследователей, а именно: выдавливание зубами узоров на бересте. Мне довелось встретиться с изготовлением таких узоров лишь один раз, и, к тому же, почти сорок лет назад.

Это было в 1925 г., в Токта-паул — маленьком летнем стойбище, расположенном на берегу р. Вижая (манс. Ялпинг-я — приток Лозьвы, в ее верховьях) при впадении в нее небольшой речки Токты. Время было свободное от каких-либо хозяйственных занятий, и большинство обитателей или разбрелись кто-куда или просто отдыхали. Я обратил внимание на двух девочек, которые развлекались тем, что складывали особым образом тонкие листочки бересты и прикусывали их зубами. Потом, когда бересту разворачивали, на ней оказывался более или менее сложный узор (табл. 1). В игре приняли участие и взрослые женщины. Наиболее удавшиеся узоры сравнивали и оживленно обсуждали. Для получения узоров, бересту складывали пополам и вчетверо, по диагоналям или только в уголках, и прикусывали ее то резцами, то коренными зубами, все время поворачивая во рту сложенный кусочек бересты. Трудность изготовления узора обуславливалась невозможностью контролировать его визуально; большая или меньшая искусность определялась лишь степенью обладания чувством формы, ритма и надлежащей координацией движений пальцев и зубов. Основная же сложность заключалась в том, что эти движения были не случайными и интерес был направлен не к тому, «что получится». Наоборот, каждая из художниц добивалась выполнения определенной темы, стремясь изобразить именно намеченную фигуру, что, конечно, не всем и не всегда удавалось.

Узоры, выдавленные зубами, не имели никакого дальнейшего применения, и ни на месте, ни в одном из музейных собраний я никогда не встречал берестяной посуды, украшенной таким образом. Выдавливание зубами узоров было лишь своеобразной художественной игрой и состязанием в искусности. Вероятно, именно из-за «камерности» этого искусства, оно и прошло мимо внимания даже таких тщательных исследователей, как А. Каннисто, А. Дунин-Горкавич или У. Сирелиус (причем последний даже специально занимался изучением обско-угорского орнамента).

К сожалению, по молодости я не обратил тогда надлежащего внимания на это интереснейшее и, видимо, уже в те годы становившееся редким явление. Мне и в голову не пришло, что встречаюсь с ним не

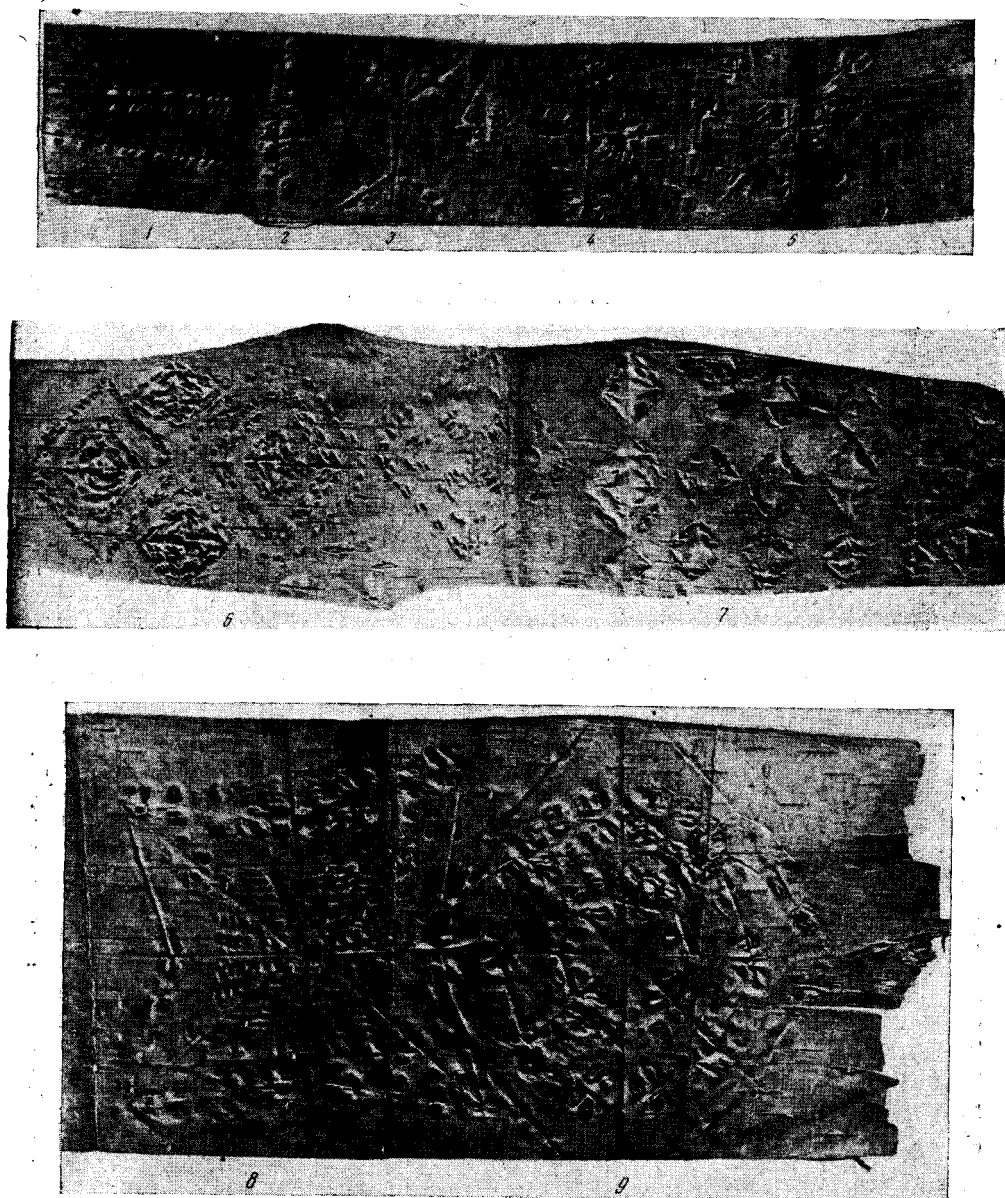

Таблица 1. Фотографии уникальных образцов узоров, выдавленных зубами на бересте у манси. 1925 г., стойб. Токта-паул.

только в первый, но, быть может, и в последний раз в жизни. Тем не менее, я подобрал тогда несколько полосок бересты и записал названия выдавленных на них фигур. К счастью, часть этих кусочков бересты сохранилась, и, по всей вероятности, сейчас они являются уникальными.

Для выдавливания фигур применялись лишь тонкие слои бересты, лежащие ближе к ее внешней поверхности. Такой тонкий слой называется *χαλ'ρ*, *χαλ' ρ* или *sās χαλ'ρ* (*sās* — береста вообще). Такая береста имеет беловато-розоватый оттенок; выдавленные фигуры выделяются

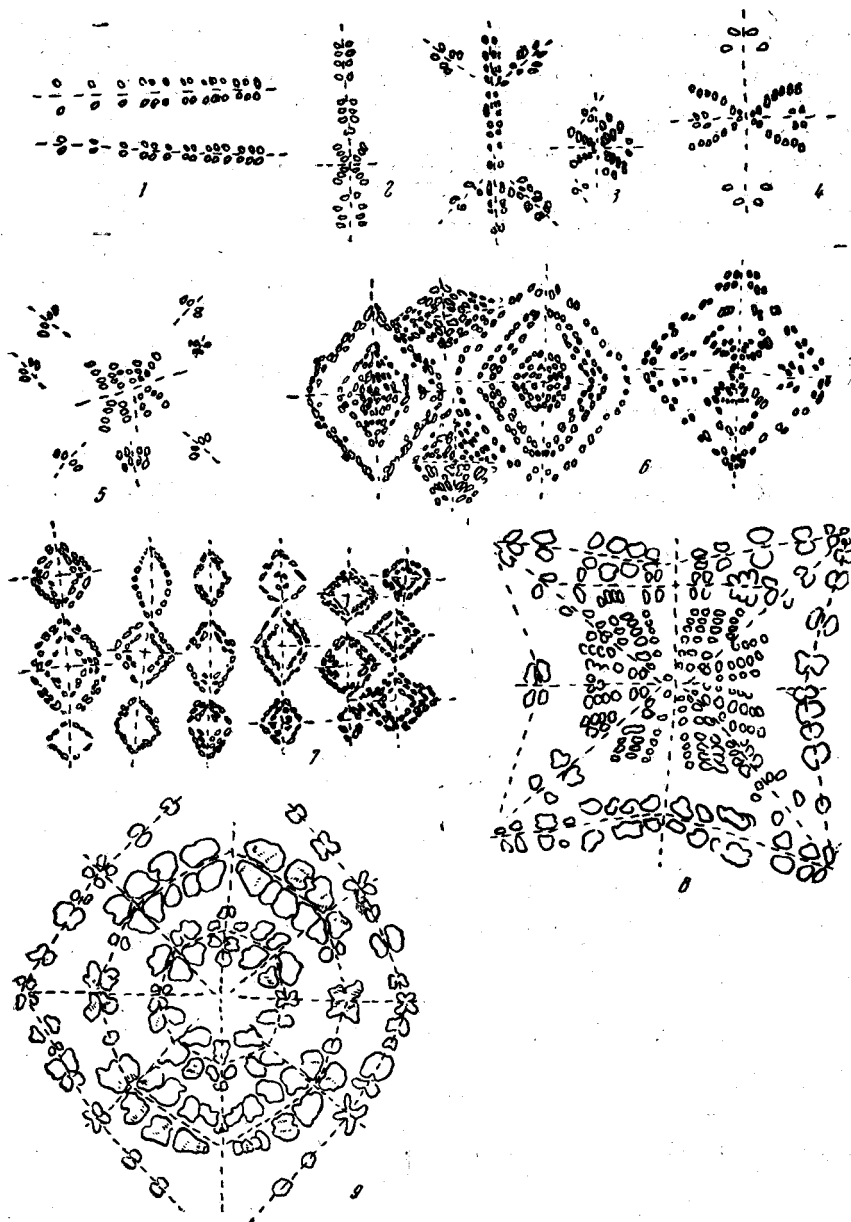

Таблица 2. Прорисовка узоров, выдавленных на бересте у манси. Номера отдельных рисунков соответствуют номерам фотоснимков на таблице 1.

на ней более темным коричневатым цветом. Вместе с тем, выдавленные места делаются несколько прозрачнее, и если держать бересту против света, то фигуры выступают как желтовато-розовые на более темном фоне.

Темами для выдавливания фигур служили различные предметы, но чаще всего и главным образом изображались следы различных животных и птиц. Они занимают основное место и в имеющихся образцах. Самой простейшей является фигура, изображенная на рис. 1 (табл. 1, 2), которая называется тахгидж л'эңх (следы мыши). Здесь требовалось

сложить бересту лишь вдвое. Несколько сложнее *tulmaḥ l'ṣṣḥ* (следы росوماхи) (рис. 2, табл. 1, 2), так как в средней части изображения тропы, «там, где росوماха останавливалась», бересту пришлось сложить вчетверо. Таким же образом была сделана фигура, приведенная на рис. 4 (табл. 1, 2) *š'orag l'ṣṣḥ* (след тетери). Здесь художница изобразила отпечатки лап, по обе стороны от которых видны следы крыльев, остающиеся на снегу при взлете этой тяжелой птицы. Значительно сложнее изготовление фигуры на рис. 5 (табл. 1, 2) *sḡar l'ṣṣḥ* (следы лося), для которой бересту требовалось складывать многократно и в разных направлениях. На композиции показано место, где стоял лось, обгладывая ветки. Вокруг него изображены деревья — *pas w'ṣ* (просто лес), — как пояснила художница. Столь же сложна композиция на рис. 3 (табл. 1, 2), на которой показаны *sāl'il'ṣ ḥḥ* (следы оленя и тоже в лесу).

Несколько иной характер имеют остальные изображения. Прежде всего, всем им придано определение *ḥansa* (узор, орнамент). Слово *ḥansa* применяется, как правило, в отношении всех видов орнамента на одежде, утвари и, в том числе, на берестяной посуде. Последнее, естественно, наводит на мысль, что в фигурах 6, 7, 8, 9 сказалось перенесение форм орнаментальных узоров. Такое предположение как будто может подтверждаться тем, что рис. 9 — *ḥṣtal* (солнце) и по названию и по общим очертаниям корреспондирует с орнаментальным изображением солнца на крышках берестяных коробок, известным у тех же лозвинских манси. Однако сходство ограничивается лишь наличием в обоих случаях концентрических окружностей, а в таком виде изображение солнца существовало в Зауралье и Приобье уже в конце III или начале II тысячелетия до н. э., причем встречается как на керамике, так и в наскальных изображениях. Это, пожалуй, лишает нас права связывать развитие узоров, выдавленных зубами, с развитием орнамента, выскабленного на бересте, даже в отношении фигур, называемых *ḥansa*. Более того, так как фигуры, накусанные на бересте, формально не совпадают с фигурами выскабленного — так называемого ленточного — орнамента, то скорее всего следует допустить существование своей особой традиции в развитии узоров, выдавленных зубами.

Фигура на рис. 8 (табл. 1, 2) называется *ḥusar ḥansa*. Наименование это можно перевести и как «изображение коробки» и как «орнамент для коробки». Действительно, фиг. 8 отдаленно напоминает один из распространенных видов узора на крышках квадратных берестяных коробок, и вполне можно допустить, что в данном случае мы имеем вполне индивидуальное творчество — стремление изобразить какой-то предмет — орнаментированную берестяную коробку. Быть может, такой, более свободный, подчиненный скорее индивидуальным намерениям выбор сюжета и формы — в противоположность неизменно повторяемым формам обычного угорского орнамента — и следует отнести к одной из специфических особенностей традиции выдавливания узоров зубами.

Рис. 6 и 7 на той же таблице представляют собою композиции из ромбов и называются *jaṇiṭ* и *maṭ roḥḥorī* (большие и малые ромбы). Название это хотя и встречается применительно к орнаментам ленточного типа на меху и бересте, но там оно относится к фигурам довольно отличным, а кроме того, всегда ритмизованным и собранным в полосовой узор. Только в одном случае У. Сирелиус¹ под этим же названием приводит орнаментальный мотив, отдаленно напоминающий изоб-

¹ U. Sirelius, Ornamente auf Birkenrinde und Fell, Helsinki, 1904, т. XIX, рис. 6.

ражения, выдавленные зубами — в частности правый ромб на рис. 6, — но несравненно более симметризованный. Трудно сказать, есть ли между этими двумя категориями узоров что-либо общее, кроме названия, которого коснемся ниже. Во всяком случае, если какая-то взаимосвязь и существовала, то это, тем не менее, не снимает предположения о наличии собственной традиции в развитии узоров, выдавленных зубами.

Выражение роххорі или рунк-хорі за пределами применения его в качестве названия фигур орнамента, в разговорном языке, не встречается. С орнаментом оно лишь и ассоциируется, причем смысл его, видимо, далеко не для всех оказывается ясным. У. Сирелиус переводит рунк-хорі как «череп, черепная коробка» (rääkallo, rään kuori)². Перевод этот, пожалуй, не совсем точен и требует некоторых пояснений, так как слово хорі значения «крышка, чашка», которое могло бы соответствовать финскому kuori, в мансийском языке не имеет. Б. Мункачи выражение рунк-хорі переводит также словом «череп» (венгр. коропуа)³, но перевод этот может быть уточнен из контекста: «Аи хит роххә хул'тәт, рунк-коритә әләл' роуагәт»⁴ — «человек туловище свое оставил, голова сама по себе» (венгр. feje коропуаја — головы его череп ее) вперед покати́лась». Таким образом, рунк-хорі означает не столько «череп», сколько «голову, отдельно от туловища и шеи». Аналогично в мансийском: кәт-хорі — «кисть руки»; лауәл-хорі — «ступня ноги». Соответственно в хантыйском: үх-хотраг — «череп» (финск. rääl-lo)⁵, где үх — «голова» и хотраг — «туша, корпус» (например, животного)⁶. Вариант роххорі может быть объяснен образованием стяженной формы, с появлением геминаты-хх при выпадении заднеязычных — ңк и переходом и>о под воздействием регрессивной ассимиляции. Выражение роххорі следует, таким образом, переводить — «голова (отдельно от туловища)», «череп».

Традиция выдавливания зубами изображений на бересте, кроме манси и, может быть, хантов, ни у одного из народов Сибири не известна⁷ и существует еще, как будто, лишь в одном месте, а именно у алгонкинов в Северной Америке. Она свойственна, по-видимому, главным образом северным племенам, причем Кэрри Лифорд, описывая искусство оджибва, указывает, что «практика накусывания узоров распространилась от Ньюфаундленда до Равнин»⁸. Франк Спэк считает накусывание узоров абортинным для северо-востока. Такая локализация, а также и древность явления подтверждаются и тем, что выдавливание узоров зубами существовало у племени беосук, обитавшего изолированно даже от других индейских племен и окончательно исчезнувшего уже к началу XIX в.⁹ Привожу здесь некоторые данные по искусству накусывания узоров на бересте у алгонкинов по материалам, собранным у оджибва и главным образом у монтанье-наскапи.

«Накусывание узоров, — пишет Франк Спэк, — является своего рода времяпровождением среди всех племен, у которых этот вид искусства

² U. Sirelius, Указ. раб., стр. XIII.

³ B. Munkácsi, *Vogul népköltési Gyűjtemény*, Budapest, 1892, т. II, стр. 640, 546.

⁴ Там же, стр. 298.

⁵ H. Paasonen, *Ostjakisches Wörterbuch*, Helsinki, 1926, стр. 277.

⁶ Там же, стр. 56.

⁷ Ничего не смог сообщить и С. В. Иванов — автор многочисленных работ по искусству народов Сибири. Только С. И. Вайнштейн устно сообщил, что у тувинцев встречаются твеса, на которых зубами выдавлена узкая пунктирная орнаментальная полоска по краю. См. также: С. И. Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки*, М., 1961, стр. 93.

⁸ C. A. Lyford, *The crafts of the Ojibwa*, 1943, стр. 149.

⁹ F. G. Speck, *Montagnais Art in Birchbark*, New York, 1937, стр. 75.

отмечен. Но это не какое-нибудь ярко выделяющееся туземное действие, бросающееся в глаза случайному наблюдателю, а скорее одна из мало выявленных этнических черт, которые свойственны индейцам этого района. Это определенно женское занятие, в котором старые женщины особенно искусны. Тонкие листки бересты складывают вдвое и вчетверо, а затем прикусывают зубами, поворачивая бересту как подсказывает воображение, пока фигура не будет закончена¹⁰. Совершенно так же об этом рассказывает Хоули, со слов одной женщины, которая в молодости лично знала Шэнэудисит — последнюю представительницу племени беосук, взятую в плен в 1823 г. «Она (т. е. Шэнэудисит) брала кусок бересты, складывала ее и накусывала зубами различные фигуры животных или другие рисунки, т. е., вернее сказать, такими они получались, когда бересту разворачивали»¹¹. «У женщин монтанье, — пишет Спэк, — имеются особые представления в отношении узоров, выдавленных зубами. Руки и зубы, — сказала одна женщина, — создают изображения так же, как руки и глаза. Но основным источником способности является внутренний дух (soul-spirit)... все создается внутренним человеком (inner man) и только выполняется органами тела»¹². Между узорами, накусанными и выскобленными на бересте, у алгонкинов нет какой-либо очевидной связи (подобно обским уграм, у наскапи и оджибва имеется прием нанесения орнамента на бересту путем выскабливания темного слоя), но Спэк допускает, что накусывание узоров могло когда-то оказывать воздействие на развитие орнамента. Кэрри Лифорд прямо указывает на большую древность узоров, выдавленных зубами. «Предполагается, — пишет он, — что происхождение выскобленных узоров восходит к «зубным» или старинным накусанным узорам, которые женщины оджибва наносили на бересту своими зубами, прежде чем появились новые орудия для выскабливания. Теперь только немногие старые женщины сохраняют искусство приготовления накусанного узора»¹³. Тематами для выдавливания зубами служили у северных алгонкинов различные предметы, растения, всевозможные фигуры, но также и следы, что, мне думается, представляет особый интерес. На табл. 3 даны образцы узоров наскапи, для которых Спэк приводит названия: рис. 1 — «Начали делать деревья, но получились следы»; рис. 2 — «Деревья и следы»; рис. 3 — «Вигвамы и соединяющие их следы»; рис. 4 — «Деревья и следы»; рис. 5 — «Пересекающиеся следы»; рис. 6 — «Луна»¹⁴.

Перед нами, естественно, встает вопрос о том, к какому времени можно отнести возникновение этого своеобразного искусства угров и с чем оно могло быть связано. Наиболее близкой аналогией выдавливания узоров зубами как по содержанию, так и по принципу нанесения фигур, является распространенный в угорской же среде орнамент, выдавленный на бересте при помощи костяных штампов. Орнаментом этим украшаются туеса, т. е. цилиндрические сосуды разных размеров, предназначенные для хранения пищи. Фигуры штампованного орнамента представляют собою следы различных животных и птиц. На табл. 4 представлены образцы таких фигур. Рис. 1 изображает след медведя, рис. 2, 3 — следы оленя, рис. 4, 5 — след лося, рис. 6 — след выдры, рис. 7 — «звериный след», рис. 8, 9 — след лисицы. Иногда из таких оттисков составляются целые композиции, как, например, на табл. 5.

¹⁰ F. G. Spegk, Указ. раб., стр. 76.

¹¹ Там же, стр. 74.

¹² Там же, стр. 78.

¹³ C. A. Lyford, Указ. раб., стр. 149.

¹⁴ F. G. Spegk, Указ. раб., табл. XIII.

Содержание левой части композиции: «Остязк с собакой выслеживает оленя»; правой части: «Русский с собакой идет за медведем». Русский показан в сапогах, хант — в нярах — мягкой обуви без каблука. Многие фигуры штампованного орнамента полностью идентичны фигурам на древней керамике, выполненным также штампами. Орнаментация этого типа распространяется в I тысячелетии до н. э., но начало ее можно отнести к эпохе бронзы, т. е. ко II тысячелетию. При этом, как недавно очень убедительно показал на основании анализа керамики из

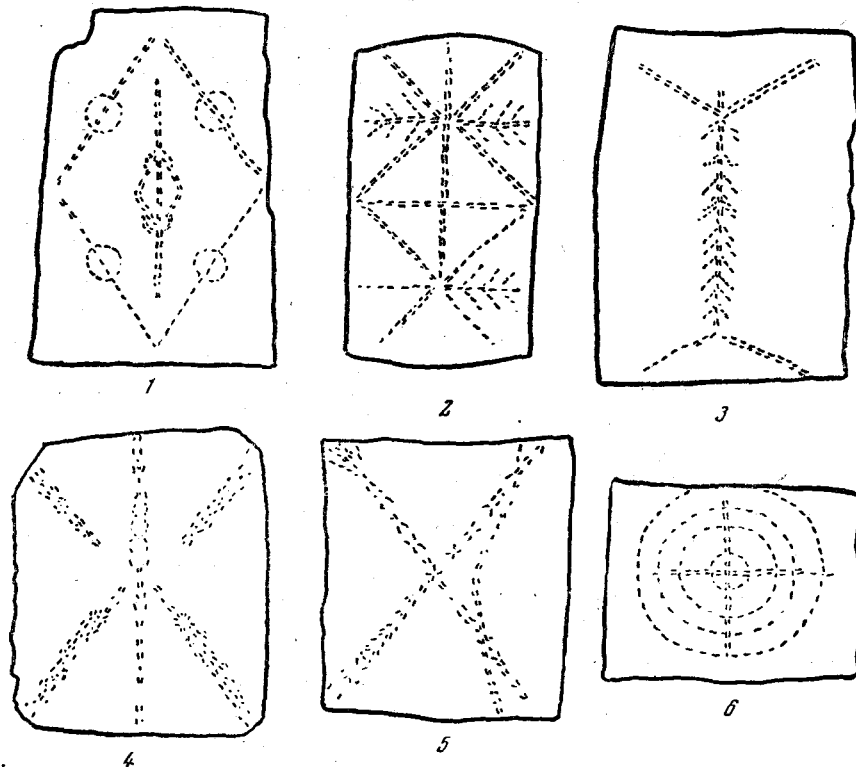

Таблица 3. Прорисовка узоров, выдавленных зубами на бересте. Монтанье-наскани (сев. алгонжины). Канада. По работе F. G. Speck, *Montagnais Art in Birchbark*, New York, 1937

Приобья М. Косарев¹⁵, прообразами отпечатков сложных штампов явились подобные же фигуры, но выполненные оттисками зубчатого штампа, распространившегося уже в III тысячелетии до н. э. На зауральской керамике конца III — начала II тысячелетия до н. э. при помощи таких зубчатых отпечатков бывают изображены рыболовные запоры, ловчие изгороди, а также фигуры оленей, косуль, гусей и уток. Если сопоставить развитие штамповой орнаментации на керамике с аналогичной же орнаментацией на берестяных сосудах, то существование узоров, выдавленных зубами, надо отнести ко времени, предшествовавшему появлению фигурных штампов, т. е. к III тысячелетию до н. э. Появилось же накусывание узоров, вероятно, еще раньше.

¹⁵ М. Косарев, К вопросу о степном компоненте в керамике железного века лесного Приобья, «Сов. археология», 1964, № 2; его же. О некоторых обских орнаментах (КСИА, № 101; в печати).

Апотропеическое значение изображений животных на посуде настолько общеизвестно, что здесь о нем можно и не говорить. Скульптурные фигурки зверей, расположенные по краю сосудов, или их накрашенные и нацарапанные изображения или даже условные символы, соответствующие тому или иному животному, все это должно было охранять пищу, находящуюся в сосуде, от всего вредоносного. Эта

древняя идея великолепно выражена в дагестанской пословице, гласящей: «Если на горшке нет зверя, закрой его крышкой». Возможно, однако, что апотропеическое значение имели преимущественно лишь украшения на крае или шейке сосуда, тогда как орнаменты средней зоны, соответствующей наиболее широкой части, несли иную целевую нагрузку. Семантика орнаментации древней керамики изучена еще очень плохо, но в своей последней работе, доложенной им 15 февраля в Институте археологии АН СССР, акад. Б. А. Рыбаков на материале трипольской

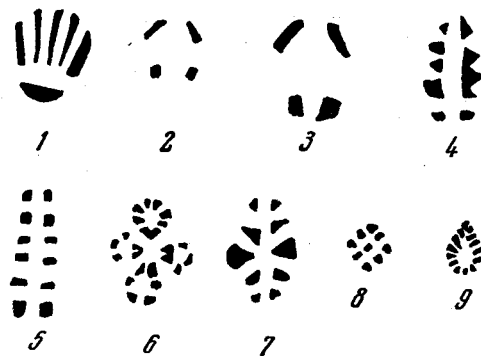

Таблица 4. Орнаменты, выдавленные штампом на бересте. Манси и ханты. По данным автора.

керамики весьма убедительно показал связь росписи средней части сосудов с производственно-магической земледельческой тематикой. Подобное же значение, но уже в плане охотничьего и рыболовного промысла, вероятно, имели изображения животных и ловчих изгородей на зауральской керамике энеолита и раннего металла, т. е. конца III — начала II тысячелетия до н. э.

Таблица 5. Орнамент, выдавленный штампом на бересте. Манси и ханты. По данным автора.

Для изображения животных в апотропеических или магических целях не обязательно было наносить всю фигуру. В ряде случаев достаточно было изобразить часть животного или его след. Тесная ассоциация следа с самим животным, совершенно естественная для восприятий людей, живших охотой, была свойственна и представлениям обских угров. Еще совсем недавно женщина, особенно в периоды, когда она считалась нечистой, не должна была наступать и даже перешагивать

через след тотемного или промыслового животного, так как тем самым она якобы навлекала несчастье не только на себя, но и на весь род. Существовало также представление об особой связи между следом и оставившим этот след животным. Воздействуя на след, можно будто бы воздействовать и на самого зверя. В сказании про охотника по имени Хватающий Ястреба, он, чтобы подогнать лосей ближе к своему дому, делает заостренную палку и начинает колоть ею свежий след зверя. Лось чувствует эти уколы и начинает бежать в нужном направлении. В определенных условиях, связанных с охотничьей магией (при изготовлении так называемых звериных затесов), изобразить след убитого животного значило создать его двойника. Вне надлежащих случаев манси старательно избегали делать подобные изображения¹⁶.

Все это подводит нас к допущению существования в прошлом особого отношения к изображениям следов, в том числе и фигуры следов, выдавленных зубами на бересте. Это тем более вероятно, что некоторая неопределенность результата сближала накусывание фигур с гадательной магией, имевшей достаточно широкое распространение у обских угров. Характерно, что и алгонкинские женщины считали, что руки и зубы были только пассивными орудиями. Почему же накусывание изображений было специфически женским занятием? Вероятно, по причине, близкой к тому, почему обряды и магические действия, связанные с заботами о родовых душах, были доступны только для женщин. Все, что рождалось и существовало на территории рода, а в том числе и животные, которые могли становиться добычей охотников, — все находилось в ведении женщин. В мансийском сказании о Великой Прародительнице в верховьях Казыма, женщина в наказание за дерзкое отношение к образу тотемного существа лишает охотников добычи при промысле. Несмотря на все их старания, они не могут ни поймать птицы, ни убить зверя. Но женщины могли и помогать. В хантыйской песне «Про трех охотников и женщину *miš*» повествуется, как три охотника в маленькой лодочке плывут по реке. На одном мысу они увидели стоящую там

В ловле речной рыбы счастье приносящую женщину,
В охоте на зверя счастье приносящую женщину.
— Вы, три на промысел едущих человека,
Посадите меня, дающую счастье в промысле,
На корму вашей лодки.
— Что мы с тобой будем делать?
Женщин, дающих счастье в промысле, мы ведь дома имеем¹⁷.

Женская охотничье-промысловая магия, некогда существовавшая у народов Сибири, — тема не новая в этнографической литературе и достаточно хорошо освещена в одной из работ крупнейшего знатока искусства народов Севера С. В. Иванова¹⁸. Мне хотелось бы лишь на нескольких примерах показать, что это явление было свойственно в прошлом и обским уграм, а тем самым и подкрепить вероятность предположения о первоначальном охотничье-магическом характере изображений следов, выдавленных зубами на бересте. Впоследствии, с утратой этого значения, по мере превращения накусывания узоров в развлечение и состязание в искусности, тематика должна была расширяться

¹⁶ Подробнее об этом см.: В. Чернецов, Наскальные изображения Урала (Свод археологических источников, вып. В4—12; в печати).

¹⁷ W. Steinitz, *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen*, Tartu, 1939, стр. 413.

¹⁸ С. В. Иванов, Сибирские параллели к магическим изображениям эпохи палеолита, «Сов. этнография», 1934, № 4.

за счет появления изображений различных предметов и даже сцен. Очень неясными остаются лишь ромбовидные фигуры, носящие несколько интригующее название — «головы» или «черепа». Здесь можно предложить два объяснения. Первое связано с упоминавшейся уже выше заботой о душах умерших сородичей. У некоторых групп манси и хантов фигурка, изображающая умершего, в которой временно обитает реинкарнирующаяся душа, именуется *soŋət*, *ʃoŋət* (череп). Название обусловлено тем, что эта душа остается в голове или черепе, особенно если тело не погребено. В связи с этим и мог возникнуть, видимо, существовавший некогда обычай сохранения черепов. В частности, об очень близком обычае упоминает Иоганка Венгр (начало XIV в.) со слов человека, прибывшего в Баскардию из страны Сибур (Сибирь). Он упоминает, что «кожу, содранную с лица, они (народ той страны) держат в домах своих и чтят как домашнего бога»¹⁹. Можно, конечно, допустить, что обычай хранения черепов или лицевых скальпов отразился в изображениях, накусанных на бересте, но все же это сомнительно, учитывая как значимость объекта, так и магический в прошлом характер самого процесса. Кроме того, следует думать, что хранение черепов не было явлением массовым и касалось лишь тех умерших, которые при жизни выделялись особыми качествами²⁰. Скорее можно допустить другое объяснение, связанное с переносом магического воздействия накусывания изображений с охоты на военные действия. Эпические сказания манси и хантов пестрят упоминаниями о скальпировании и — несколько реже — о захвате голов. Рассказывает об этом обычае и цитированный выше Иоганка Венгр.

В одном мансийском сказании повествуется, что после того, как был убит Кедровое Ядрышко, противник его «Кедрового Ядрышка кожу с волосами с головы содрал, на вершину лиственницы повесил. — По верховьям Тайт-реки ходивший богатырь! Кожа с головы твоей на вершине лиственницы ветром пусть обвевается. Чайчью шкуру твою, куропаточью шкуру твою (фольклорные наименования скальпа) дождь пусть мочит, ветер пусть обвекает». В конце того же сказания юноша, мстящий за своего отца, настигает врагов. «Лук натянул, стрелу пустил, разом обоих убил. Кожу с голов у них содрал...»²¹. Интересно, что в текстах Б. Мункачи манси Сотинова, от которой он записал близкий вариант этого же сказания, пояснила выражение «чайчья шкура его, кожа с головы его [ветром] пусть обвевается»: «Когда череп его повесили на ветер...»²². Затрудняясь, видимо, передать по-русски сложный образ, она выразила лишь основное содержание, воспринимая скальп и череп как равнозначные по своему значению. В хантыйском сказании герой отрубил у противника голову, но она стала удаляться от него и, спасаясь, скатилась в воду. Появившись на дальнем конце плеса, голова молвила: «Когда ты повернешь к дому свою косатую голову, то дома... не говори, что тебе удалось содрать с Сос Турум Ига его блестящую как крыло головную кожу»²³.

¹⁹ Письмо брата Иоганка Венгра ордена миноритов к генералу ордена брату Михаилу из Гезены (см.: С. Аннинский, Известия о татарах XIII—XIV вв., «Исторический архив», т. III, 1940).

²⁰ В. Мошинская, О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. КСИИМК, вып. XLIII, 1952; ее же. Über einige alte anthropomorphe Darstellungen aus Westsibirien, «Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker», Budapest, 1963, стр. 107.

²¹ Записано автором от манси Лопсия-Хум, на р. Северной Сосве в 1933 г. См. также: В. Чернецов, Вогульские сказки, Л., 1935, стр. 115.

²² В. Мункачи, Указ. раб., стр. 465.

²³ S. Patkanov, Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, т. II, St. Petersburg, 1900, стр. 46.

Скальп и голова противника являлись, конечно, трофеем, но можно думать, что обычай скальпирования связан был с представлением, по которому это действие лишало возможности душу убитого возродиться в своем роде, так как она оставалась связанной со скальпом или черепом. Захват последних являлся, таким образом, и захватом у чужого племени или народности (в эпосе во время войн с ненцами) реинкарнирующей души, т. е. «души-имени»; с количеством таких душ была связана и численность рода. Следует ли предположить, что существовала идея возможности адаптации захваченной души-имени, подобно тому, как иногда адаптировались пленные? Скорее всего, что так. Во всяком случае лишь пережитком этого представления можно объяснить наблюдение, сделанное в начале XIX в. Ф. Белявским, что «каждый род имеет свои собственные имена... присвоение же имени из чужого рода и без согласия считается величайшею обидою»²⁴. Эти представления, видимо, и являлись причиной страха перед потерей «чаячьей шкуры, куропаточьей шкуры», т. е. скальпа, так ярко отраженного в фольклоре.

Таково было, возможно, развитие женской магии накусывания узоров на бересте, первоначально промысловой, а затем и военной, обусловившей появление фигур, носящих название «головы» или «черепа».

SUMMARY

One of the tribes of the Mansi (Voguls) in North Siberia practised the art of biting patterns on the birch bark. These patterns were made only by women and were not used for decoration.

The only parallel that exists, is the bitten patterns of North Algonkians, i. e. the Ojibwa, Nascapsee, Cree.

The author believes that the biting of patterns is the survival of the rites of the ancient hunting magic.

²⁴ Ф. Белявский, Поездка к ледовитому морю, М., 1833, стр. 122; В. Н. Чернецов, Представления о душе у обских угров, «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». Труды Института этнографии АН СССР, т. I, М., 1959; V. Chernetsov, Concepts of the Soul among the Ob-ugrians, «Studies in Siberian Shamanism», ed. by H. N. Michael, University of Toronto press, 1963.